

Увидев самый городъ (заштатный) Несвижъ, столь знакомый мнѣ еще съ дѣтства, я вспомнилъ о древнемъ его блескѣ и той славѣ, какую онъ пользовался когда-то въ Бѣлорусскомъ краѣ. Исторія знаменитости его относится къ очень глубокой древности и началась скоро послѣ баснословнаго его происхожденія. Народъ говоритъ, что на вѣстѣ нынѣшняго города была когда-то высочайшая крутая гора, на которую трудно было взобраться, а снизу никто не могъ разглядѣть ея верховъ, отчего и называлась Невидимой

горою — Несвижъ гора; но какъ-то, потомъ, случилось странное наводненіе по всему Несвижскому краю: разлившіеся притоки сѣвннхъ полѣвскихъ озеръ размыли эту гору во многихъ мѣстахъ, и оттого изъ одной большой горы образовались какіе-то разорваннныя съ оврагами горки и пригорки. На горки и въ овраги вода занесла вѣснадко судовъ и домъ съ людьми: эти-то люди, не имѣя возможности возвратиться въ свои родныя мѣста, и поселились здѣсь. Какъ ни баснословно это преданіе, но все-таки оно предшествуетъ по крайней мѣрѣ XI вѣку, потому что о Несвижѣ, какъ сильно укрѣпленому уже городѣ, въ лѣтописяхъ (27) упоминается въ 1224 году, въ которомъ палъ въ сраженіи съ татарами Несвижскій князь Юрій Владиміровичъ (28). По смерти этого храбраго князя, Несвижъ сдѣлался предметомъ распрій удѣльныхъ русскихъ князей, и въ теченіе XIII вѣка постоянно переходилъ то къ Кіевскому, то къ Галицкому, то къ Владиміръ-Волынскому, то къ Минскому князюству, пока наконецъ въ концѣ этого вѣка не присоеди- нился къ великому князюству Литовскому. Въ 1388 г. Несвижъ подаренъ былъ Ягеллоу, по просьбѣ супруги его Ядвиги, правителю Новгородъ-Сѣверской области Дмитрію Корибуту. Въ годины польскаго самовластія Несвижъ сдѣлался столицей известнаго ординаста Радзивилловъ, и вотъ въ концѣ XV вѣка является уже подъ именемъ Радзивилловской партизанской резиденціи. Съ этого времени, всѣми своими улучшеніями и льготными правами Несвижъ обязанъ князьямъ Радзивилламъ. Въ 1533 году Янъ Радзивиллъ I, по прозванію *Бородачъ*, обнесъ городъ валомъ и построилъ деревянный замокъ, близъ озера, на крутомъ утѣсѣ горы. Въ 1547 г., сынъ его Николай Черный (онъ же и брестскій староста, см. выше — Брестъ) сжогъ отцовскій замокъ и построилъ новый, каменный, а въ 1551 г. укрѣпилъ этотъ замокъ и устроилъ въ немъ обширный архивъ для сохраненія привилегій и грамотъ, выданныхъ жителямъ Несвижа великимъ княземъ Литовскимъ (29). Но всѣ услуги Чернаго Несвижу затмѣваются неприязненными его дѣйствіями противъ православія и даже католицизма: онъ, точно такъ же, какъ и въ Брестѣ (см. Брестъ), содѣйствовалъ распространенію кальвинизма (1559 г.) и социніанскаго лжеученія (1568) въ Несвижѣ, а для поддержанія распространяемыхъ имъ вѣрваній завелъ типографію при замкѣ и велѣлъ печатать еретическія книги, которыя слѣдующимъ здорвенно дѣйствовали на тогдашніе умы жителей Несвижа,

(27) *Letopisъ Daniłowicza*, str. 122; *Narbat*, T. III, str. 272—273.

(28) *Исторія Малороссіи*, Марковича, часть V, стр. 138.

(29) Эти привилегіи и грамоты напечатаны въ «Собраніи Актовъ Минской губерніи», 1848 г.

и безъ того изволнованные уже духомъ униатскаго раскола. Духъ лжеученія быстро пронесся по всему краю несвижскому и едва остановленъ былъ въ 1574 г., успѣями одного изъ сыновей Чернаго, именно литовскаго маршала Николая-Христовора, по прозванію Сиротки, который сначала покровительствовалъ православію, но впоследствии, по просьбамъ поселившихся въ Несвижѣ, въ 1587 г., иезуитовъ, сдѣлался защитникомъ католицизма. Въ 1577 г. онъ много сдѣлалъ въ пользу несвижской русской церкви во имя Рождества Пресвятой Богородицы и снабдилъ дарственною привилегіею церковный причтъ въ лицѣ священника Якова Семеновича (30). Изъ привилегій этой (писанной на *бѣлорусскомъ языкѣ*) видно, что сказанная церковь существовала въ Несвижѣ еще до Сиротки. Въ 1586 г. (апрѣля 23) Сиротка исходатайствовалъ у Стевана Баторія для Несвижа *мадебургское* право, обновилъ замокъ, украсилъ городъ каменными зданіями и построилъ нѣсколько каменныхъ же костеловъ и великолѣпный Бенедиктинскій монастырь, существовавшій до сихъ поръ, въ которомъ умерли монахами и погребены двѣ дочери его (Сиротки). Въслѣдствіи гробницы этихъ князей-монаховъ перенесены въ фару. Въ городѣ хранится преданіе, что Сиротка построилъ церковь во имя св. Евфиміи. — Подъ конецъ жизни, онъ выстроилъ, близъ замка, ормитажъ, вмѣстѣ съ дворцомъ, который называлъ *Консоляціею* (*Konsolecja*), потому что онъ предназначилъ быть для лѣтнихъ увеселеній, — тутъ же завелъ зѣфирнець и фабрику персидскихъ ковровъ, а по преимуществу *посоховъ*, которая, впрочемъ, скоро была закрыта, потому что не могла соперничать съ знаменитою фабрикою такъ называемыхъ *Золотыхъ посоховъ* въ г. Слуцкѣ (см. этотъ городъ), а следовательно не обшала никакихъ выгодъ для владѣльца. Обиженный и украшенный Сироткой, Несвижъ наслаждался покоемъ цѣлое XVII столѣтіе. Съ 1604 г. по 1607 въ Несвижѣ жилъ Янушъ Радзивиллъ, мужъ знаменитой слудской княжны Софіи Юрьевны Олельковичъ. Будучи православымъ до смерти жены, онъ покровительствовалъ православію и, по совѣту духовника Софіи, гермопача Прокофія и слудскаго архимандрита Веніамина, построилъ церковь Софійскую при замкѣ, а на Новомейскомъ предмѣстѣи — во имя св. Писидора, которыя впоследствии превращены были въ униатскія (31), а потомъ въ католическія. Отъ Януша остались дѣти правослаиваго исповѣданія, которыхъ опекуномъ назначенъ былъ, по смерти Софіи, православный Радзивиллъ-Христоворъ, построившій въ Минскѣ (см. Минскъ), въ

(30) См. «Собраніе Актовъ Минской губ.», ч. 25.

(31) *Acta Tribunal. Lithuan.*, 1615 ab, Septem. 19, хранящіяся при Главномъ Варшавскомъ Архивѣ.

1626 году, церковь Рождества Пресвятыя Богородицы⁽³²⁾. Но въ началѣ XVIII вѣка, именно въ 1706 году, Несвиж суждено было потерпѣть страшное опустошеніе во время похода Карла XII въ западную Россію. Проходя чрезъ Несвижъ, Карлъ XII потребовалъ отъ жителей присяги себѣ или Станиславу Лещинскому. Но несвижане отвергли такое домогательство шведскаго короля и, рассчитывая на спѣшившія къ нимъ на помощь русскія, саксонскія и польскія войска, объявили, что они не намѣрены измѣнить законному правительству. Жданная помощь явилась въ лицѣ Миклашевича съ 400 казаковъ, и вотъ произошла страшная рѣзня между непріятелями, на берегу рѣки Уши; побѣда осталась бы на сторонѣ Несвижа, еслибъ, тайно помышлявшій уже въ то время объ измѣнѣ Великому Петру, Мазепа не опоздалъ умышленно съ отрядомъ своего войска, составившимъ дополнение къ дружинѣ Миклашевича⁽³³⁾, — вслѣдствіе чего несвижане жестоко пострадали за свою вѣрность. Карлъ XII велѣлъ сжечь Несвижскій замокъ, разрыть валы и множество горожанъ погубить насильственною смертью.

Печальна была картина Несвижа послѣ такой жестокости шведскаго короля!.. Двадцать лѣтъ городъ оставался безъ всякаго возобновенія. Принимая участіе въ политическихъ переворотахъ Польши, Радзивиллы оставили Несвижъ на произволъ судьбы и, думая только объ исполненіи своихъ честолюбивыхъ намѣреній, не выказали изъ Кракова, Варшавы или изъ Вильно. Наконецъ, въ 1726 году, одинъ изъ образованнѣйшихъ Радзивилловъ, князь Михалъ, поселился навсегда въ Несвижъ и такъ сказать создалъ новый городъ и замокъ. Какъ любитель наукъ и искусствъ, онъ вслѣдствіи заботился о распространеніи между несвижанами просвѣщенія и для этого не жалѣлъ денегъ. Жаль только, что онъ окружилъ себя иезуитами, и что большая часть жертвованныхъ имъ суммъ на распространеніе наукъ и искусствъ, подъ разными мнимо-благочинными предлогами, перешла въ руки этихъ любителей золота, для которыхъ князь, въ 1736 г., построилъ костель и монастырь св. Михаила. Говорятъ, что будто иезуиты уговорили этого Радзивилла вступить въ ихъ орденъ, и что онъ погребетъ монахомъ въ костелѣ св. Михаила. До какой степени угождать князь Михалъ иезуитамъ, это видно изъ того, что собственно для поставки имъ на здѣшнихъ (рвы римско-католическаго духовенства) сукна построилъ при костелѣ св. Михаила суконную фабрику, такъ называемую *Полоску*, и отдалъ ее въ вѣчное ихъ владѣніе. Эта фабрика существуетъ и теперь; она принадлежитъ Бернардинскому

⁽³²⁾ См. «Акты Минск. губ.», № 84.

⁽³³⁾ «Исторія Малороссіи», Маркевича, т. II, стр. 379.

ордену, что въ Несвижѣ. Но ни костель, ни монастырь Михайловскаго въ настоящее время нѣтъ; сохранилось только названіе горы Свято-Михайловской и *Михалевской* ярмарки, бывавшей у подножья этой горы, на которой прежде былъ костель, а нынѣ — какой-то складочный магазинъ (фуражный). — Жена князя Михаила, Уршула-Франциска, изъ дому Вишневецкихъ, не менѣе своего мужа покровительствовала народному просвѣщенію: она устроила въ замкѣ богатѣйшую типографію и нѣсколько лѣтъ издавала *Несвижскую Газету*, основала театръ, образовала большую труппу актеровъ и сама писала для нихъ пьесы на польскомъ языкѣ⁽³⁴⁾.

Во второй половинѣ XVIII вѣка Несвижъ былъ свидѣтелемъ роскошной жизни избѣжнаго Карла Радзивилла-Пане-Коханку, или *Рыбенко*, считавшагося 12 по числу воеводъ вилenskихъ и старостъ несвижскихъ и брестскихъ. Рыбенко по временамъ жилъ въ Варшавѣ, Брестѣ и Мирѣ (см. Миръ), и въ Бѣлой (см. Бѣла); по главной резиденціи его былъ Несвижъ: онъ жилъ въ немъ до тѣхъ поръ, пока обстоятельства политическія не заставили его переселиться въ Бѣльскій замокъ и тамъ провести послѣдніе годы вѣчно шумной жизни своей. Объ этомъ Радзивиллѣ сохранилось столько анекдотовъ и разсказовъ, что еслибъ собрать ихъ всѣ, то можно было бы составить нѣсколько книгъ. Говорятъ, что до сихъ поръ ходятъ по рукамъ и въ некоторыхъ помѣщикахъ Минской губерніи рукописныя замѣтки о жизни этого оригинала, подъ названіемъ: «Исторіи Радзивилла на морѣ и на сушѣ». По переводѣ Карла Радзивилла въ Несвижъ, первымъ дѣломъ его было отдѣлать на славу родовой княжеской замка и украсить его всѣми возможными чудесами наукъ, искусствъ и художествъ: онъ завѣлъ богатую бібліотеку, состоящую изъ 10,000 томовъ разныхъ сочиненій на польскомъ, французскомъ и латинскомъ языкахъ⁽³⁵⁾; устроилъ краси-

⁽³⁴⁾ Пьесы эти собраны и названы на польскомъ языкѣ въ 1751 г. (in folio), князь-то Яковомъ Побогъ-Фричскимъ, подъ названіемъ: *Komedje i tragedje znaniekie rzy S. O. X. Radzivilowâ, wojewodziny wilejskâ*.

⁽³⁵⁾ Но только неизвестно, читалъ ли онъ эти книги; вообще Карлъ Радзивиллъ не охотникъ былъ до чтенія, а еще болѣе до писанія. Говорятъ даже, что онъ сама могъ написать свою фамилію. Вотъ анекдотъ насчетъ этого. Какой-то хитрый шляхтичъ, желая выманить у Пане-Коханку нѣсколько тысячъ дукатовъ червонинъ, и, насмысавшись, что онъ не умѣетъ будто писать, приблизилъ къ слѣдующей хитрости. Будучи у него на пирушкѣ, пользуясь всеобщимъ расположеніемъ его дѣла, онъ спросилъ: «правда ли, ясновельможный князь, говорить, что вы не умѣете писать?» Все быстрое на пирушкѣ шумѣлись такой смѣлою выходкой шляхтича и опасались гнѣвъ князя; но князь расхохотался и сказалъ: «а что! лавый свѣтъ бумаги, и я тебѣ докажу, что умѣю писать». Шляхтичъ подалъ благопріемно приготовленный листъ бумаги, и князь написалъ свою фамилію на среднѣмъ листѣ. Спрятавъ, будто на память, этотъ листъ бумаги, шляхтичъ на

зную картинную галлерею, собралъ коллекцію статуи, статуэтокъ, разныхъ бронзовыхъ и стальныхъ рыцарскихъ доспѣховъ и очень оригинально устроилъ гостиную. Стѣны оклеивалъ онъ медвѣжьими шкурами; полъ устлалъ зеленымъ дерномъ и уставлялъ тропическими растеніями; столы и стулья приказалъ сдѣлать изъ слоновой кости; спальную кровать обтянулъ буйволовыми и оленьими кожами. Столовые приборы были у него изъ чистаго золота, съ фамильнымъ гербомъ, украшеннымъ дорогими камнями подъ мозаику. Слономъ, все напоминало здѣсь о прихотливой роскоши несвижскаго богача. И какъ часто эта причудливая гостиная бывала свидѣтельницею самыхъ баснословныхъ пирушекъ и баловъ князя Пане-Коханку, на которые съзывалъ онъ всю околичную шляхту!⁽³⁶⁾ Нерѣдко къ нему прѣзжалъ гостить по цѣлымъ недѣлямъ самъ король Станиславъ-Августъ, съ которымъ онъ былъ почти въ дружескихъ отношеніяхъ; въ письмахъ называлъ его *Левне-маестатиний Августъ*, другъ *Карла*. . . . Особенно сохранилось преданіе о двухъ-недѣльномъ пребываніи этого короля у Пане-Коханку 26 сентября 1784 г., съ огромнѣйшею придворною свитою по возвращеніи съ Гродненскаго большаго коронаго Сейма. Фейерверки, театры, продолжительныя обѣды съ столѣтними венгерскими винами, катанья на сахарныхъ горахъ въ саняхъ, запряженныхъ медвѣдями, удивили короля, и онъ при всѣхъ сказалъ, что «Пане-Коханку живеть лучше польскаго короля.» И действительно, въ Несвижѣ Пане-Коханку старался жить по королевски: имѣлъ свой оберегательный гарнизонъ и крѣпость съ шанцами и валами, на которыхъ всегда стояло до шестидесяти пушекъ. Но эта-то жизнь Карла Радзивилла и была причиною того, что, въ 1768 году, онъ лишился Несвижа: по распоряженію правительства, генералъ Измайловъ осадилъ Несвижъ, велѣлъ разрушить крѣпость и снять съ валавъ военныя орудія. Пане-Коханку бѣжалъ въ Балу. Съ этого времени Несвижъ теряетъ значеніе укрѣпленнаго города и въ 1792 году окончательно палъ, послѣ *извѣстнаго* штурма. Въ 1795 г. онъ перенменованъ въ заштатный городъ Минской губерніи и теперь принадлежитъ къ числу государственныхъ вѣстечекъ. Жителей въ немъ считается 4,300, изъ которыхъ большую часть составляютъ жидаи.

писалъ, явнѣ пописи, квитанцію о выдѣчъ ему 12,000 дукатовъ, отприслалъ къ главному управленію (администратору) Радзивилла и безъ возраженій получилъ означенную сумму.

⁽³⁶⁾ На пирушкѣ Карлъ разсказывалъ анекдоты о самомъ себѣ, и эти анекдоты потомъ шляхта разносила по всему несвижскому краю, отчего и получили свое начало такъ называемыя *Исторіи Радзивилла*.

просидеть в приятном tête-à-tête с Гр... и только на другой день мог выдаться на знакомый улицы и площади Песвижа.

Несмотря на то, что Песвиж низомель на стеньгу заштатного города, иа, что почти то же, мѣстечка, онъ до сихъ поръ сохранилъ сѣбѣ городскихъ привилегій и правъ. Въ немъ и теперь существуютъ Полиція, Почтовая Кантора, Городская Дума и разные суды. Есть сословія горожанъ, цеховыхъ, мѣщанъ и солдатъ гарнизонныхъ и цивилныхъ. Есть очень хорошая улицы, особенно Виленская, Милеская и Радзивилловская-Замковалъ. Всѣ эти улицы вымощены камнемъ, а въ Виленской есть даже нѣчто въ родѣ тротуара; дома въ нихъ большею частью каменные и довольно большіе, но съ узкими окнами. Лавокъ очень много, и большую часть всѣ онѣ каменные и довольно опрятныя, несмотря на то, что находится въ нѣдрахъ *домашняго* жиловскаго племени. Впрочемъ, о несвижскихъ жидкахъ нельзя сказать того, что я замѣтилъ о кобринскихъ: въ Песвижѣ есть довольно зажиточные жида-купцы, которые ведутъ большую торговлю, предметы которой составляютъ сырыя кожи, щетина, сѣнька, ленъ и хлѣбъ, сбываемые ими въ Крелевецъ.

Есть базаръ, или рынокъ, съ рядами всякой всячины. Въ одномъ ряду наставлены разные скамейки и прилавки, зароможтенные крупяни, мукою, солью, горохомъ, бобами и копченою рыбою: это—товаръ промышленныхъ мѣщанокъ несвижскихъ, которые предпочитаютъ подобную торговлю хозяйственнымъ занятиямъ; въ сѣдующемъ ряду, на пазоманыхъ, нѣкогда крашеныхъ табуретахъ сидятъ оборванцыя жидовки и продаютъ селенки кусочками и ошейи сыръ пластинками. Еще дальше—смазливыя татарки, сидѣли поджавъ ноги на мостовой и стыдливо поглядывая на проходящихъ панчей и подпанковъ: предъ ними, на разостланной дерюгѣ или въ мѣшкахъ, навалено множество лука, чеснока и порея; большая часть покупателей этого товара *скрѣбутичине*, золотунные жида, которые не могутъ и для прожити безъ такого *араматическаго* лакомства. Между рядами протискиваются бабы-мѣщанки съ старымъ платьемъ, и трясемъ заманиваютъ крестьянокъ и крестьянъ, зашептывая въ городъ для покупки косъ, серпиковъ или топоровъ.

Кромѣ базара есть еще Мясной Рынокъ, или Ягки, и такъ называемая *Удѣлая Яма*, мѣсто для продажи живыхъ телятъ, барановъ, овецъ и свиней. Наконецъ, въ Песвижѣ немало площадей, которыя, при старинѣ жителей, могли бы превратиться въ довольно красивые бульвары.

Вблизи базара вы увидите русскую церковь, Преображенскую—довольно скромное деревянное зданіе на каменномъ основаніи. Церковь

эта временная; перенесена съ Новомѣскаго Предмѣстья, гдѣ она построена была женою Януша Радзивилла, Софією Юрьевною, шлю дому Одельковичей, умершею въ Несвижѣ въ 1607 г.: потомъ, въ 1685 г., превращена въ униатскую и наконецъ, по старанию іезуитовъ, передѣлана на польско-католическій костелъ и только въ 1835 году возвращена въ иѣдра православія и переведена въ городъ. И быть въ этой церкви и поскорбѣлъ въ душѣ: какъ грустно! въ Песвижѣ нѣтъ каменнаго храма православнаго, тогда какъ есть два великолѣпные каменные костелы римско-католическаго исповѣданія и обширный доминиканскій монастырь. Рассматривая эти богатые костелы и монастырь, я задавалъ себѣ вопросы: куда дѣвались тѣ древнія православныя церкви, о которыхъ упоминаютъ минские акты XV, XVI и наконецъ XVII вѣковъ (37)? Гдѣ потоки приходжанъ этихъ церквей? Отчего ни одна изъ упомянутыхъ въ актахъ не сохранилась до нашего времени? На это отвѣтилъ мнѣ бывшій несвижскій священникъ...скій, что изъ древнихъ православныхъ несвижскихъ церквей, которыхъ старожилы насчитывали до 8, осталась одна—Преображенская, нѣкогда каменная, а теперь деревянная, а прочія, во время уни и поселенія іезуитовъ въ Песвижѣ, уничтожены или превращены въ общественныя заведенія. Что же касается до потоковъ приходжанъ древне-православныхъ, то большая часть ихъ соврращена въ католицизмъ. Этотъ добросовѣстный пастырь съ самоотверженіемъ заботился о возвращеніи отпавшихъ къ прежней ихъ церкви, и заботился на томъ законномъ основаніи, что при одномъ римско-католическомъ костелѣ нашего опъ старинныя метрическія записки о древне-православныхъ приходжаныхъ на русскомъ языкѣ. Но ему не суждено было окончить начатаго дѣла распространенія православія въ Песвижѣ....

Акты Минской губерніи свидѣтельствуютъ о трехъ православныхъ церквяхъ несвижскихъ. Изъ грамоты литовскаго маршала Николая-Христофора Радзивилла отъ 21 апрѣля 1577 года видно, что еще до него была въ Песвижѣ, на Предмѣстии, православная церковь во имя Рождества Богородицы, и что онъ самъ назначилъ къ ней священника, подарилъ причту разные събоконы и земли при *Пархямовскои огородѣ* и дозволилъ ему пользоваться дровами въ Замковской Пуцѣ (38). А изъ грамоты князя Альбрехта-Владислава Радзивилла, отъ 27 января 1635 года, оказывается, что еще при его отцѣ построена была въ Песвижѣ, на Старомъ Рынкѣ, близъ *Виленской Брамы*, православная Георгіевская церковь, но при немъ обращена въ униатскую, по старанию киевскаго униатскаго митрополита

(37) «Собраніе Актовъ Минской губерніи», № 12, 15, 97 и другіе.
(38) См. «Акты Минской губерніи», № 25.

Рутскаго (Вудкаго), въ пользу которой записанъ *Застѣнокъ* (селеніице) съ лѣсомъ и полемъ; да еще — что, кромѣ Георгіевской, въ Песвижѣ построена была мѣстными жителями другая церковь, въ память избавленія отъ моровой язвы (39). Имя такія достоверныя свѣдѣнія о древнихъ православныхъ церквяхъ въ Песвижѣ, хотя и обращенныхъ нѣкогда въ униатскія, но все-таки не римско-католическія по началу, нѣвольно удивились фанатизму іезуитовъ, который насильемъ оторвалъ ихъ отъ православной церкви въ смутныя для Россіи годы. Не ясно ли изъ этого, что русской церковью не искони древніе римско-католическіе храмы обращены въ православныя, а только древніе православныя, соврращены въ католицизмъ, точно такъ же, какъ Россія не *забрала* (40) себѣ западныхъ губерній (Минская, Могилевская, Витебская), какъ древнее достояніе Польша, а только возвратила и присоединила ихъ отъ Польша къ себѣ, какъ исконныя древнія земли русскія, захваченныя Польшою.

Въ сѣдующій день я рассматривалъ Несвижскій замокъ, этотъ патетическій мѣщанскій въ древности знаменитой фамиліи Радзивилловъ. Въ настоящее время замокъ не представляетъ ничего особеннаго замѣчательнаго, кромѣ небольшого архива и нѣсколькихъ книгъ и рукописей, менѣющихся значенія для мѣстной исторіи, и портретной комнаты, въ которой заслуживаетъ вниманія арморная доска съ надписью о побѣдѣ Яна III надъ турками въ 1683 году и портретъ русской княжны, дочери князя тверскаго, впоследствии жены одного изъ Радзивилловъ: княжна на этомъ портретѣ изображена въ красивомъ русскомъ сарафанѣ. Чтобы попасть изъ города въ замокъ, нужно переѣзжать чрезъ озеро на лодкѣ или же обходить почти двѣ версты, чтобъ выйти на платину. И изви и изнутри замокъ запертъ: валы и насыпи полу-разрушены и заросли кустами лозъ и диквеницы; въковыя деревья одичали и остаются безъ надзора. Самый замокъ какъ-то мраченъ и унылъ съ перваго взгляда; но еще мрачнѣе онъ внутри: комнаты почти безъ мебели, стѣны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почернѣли, потолокъ перетрескался. И прошелся по комнатамъ зѣма въ какомъ-то мрачномъ настроеніи духа — вслѣдъ встрѣчалъ пустоту и запустѣніе.

Теперь въ Несвижскомъ замкѣ, кромѣ управляющаго и нѣсколькихъ чернорабочихъ, никто не живетъ. Говорятъ, что въ немъ от-

(39) Тамъ же, № 97.
(40) Нѣкоторые называютъ западно-русскія губерніи *забранными*, какъ бы захваченными крассъ (забралу kraj). Но подобное выраженіе доказываетъ изъ вѣдѣніе древне-русской исторіи. Не *забрала*, а *отобрала* (возвратилиши) нужно говорить.

водить иногда квартиры для старшихъ чиновъ, расположенныхъ въ Песвижѣ кавалерійскихъ полковъ; но это дѣлается только въ случаѣ крайности, когда сходится два-три полка. А обыкновенно несвижскій замокъ пустъ и мраченъ!

Но не такъ онъ былъ издавъ тому двѣсти лѣтъ: въ то время онъ былъ основною несвижскаго края. Хранищисе въ замковскомъ архивѣ *инвентаръ* (описъ) 1659 года передаетъ самое вѣрное сказаніе о громадности и красотѣ замка въ XVII столѣтіи. Изъ этого инвентаря видно, что въ то время замокъ со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ водою изъ озера и каналомъ и состоялъ изъ двухъ главныхъ частей: изъ палата, или *каменца*, и крѣпости. Палацъ раздѣленъ былъ на 12 огромныхъ комнатъ, изъ которыхъ каждая имѣла свое назначеніе. Здѣсь помѣщались: богатая *кустникамера*, заключающая въ себѣ рѣдкія произведенія искусства и художествъ; такъ называемая *Секанія*, или арсеналъ, въ которомъ хранилось 84 *саковницы* (щиты), 30 бронзовыхъ рыцарскихъ доспѣховъ, множество амуниціи изъ разныхъ государствъ, болѣе тысячи охотничьихъ свирдовъ и ружей, овраженныхъ въ серебро и золото. Въ палацѣ также устроенъ былъ *Скарбецъ* (хранилище) древностей, въ которомъ хранились гетманскіе булавы (шапр., Михаила-Казимира) и маршалскіе посохи (шапр., Николая-Христофора) Радзивилловъ; разные брильянтовые орнаменты, слитки серебра, найденнаго въ несвижскихъ земляхъ, нузматны, дорогіе персидскіе ковры, часы и хрустальная посуда. Былъ еще другой *Скарбецъ*—*тайный*, о которомъ знали только сами Радзивиллы и ихъ повѣренный слуга: тамъ, говорятъ, между прочимъ были колесальныя изображенія двѣнадцати апостоловъ, вышитыя изъ чистаго серебра. Народъ твердитъ, что эти изображенія до сихъ поръ хранятся въ землѣ, но гдѣ именно — не знаетъ. Въ палацѣ устроенъ былъ богатый *архивъ*, гдѣ, кромѣ интереснѣйшихъ писемъ разныхъ европейскихъ монарховъ, королей, герцоговъ и почти всѣхъ владѣтельныхъ князей, хранились въ подлинникахъ важныя документы, такъ называемыя *автентичныя*, касавшіяся исторіи Западной Руси, особенно *БѢлоруссіи*, также Литвы и Польшы; кромѣ того были подлинныя дипломы, привилегіи и грамоты, даши великими князьями литовскими и особенно Владиславомъ Лгеломъ русскимъ церквямъ на владѣніе нѣвѣстныхъ землями, угодами и крестьянами въ подвластномъ краѣ; но что болѣе всего важно — тамъ были подлинныя акты уни и буллы папы Урбана VIII, касавшіяся устройства въ Западной Россіи униатскихъ церквей. Куда все это дѣлось — неизвѣстно; очень жалко, что такіе дорогіе памятники исторіи уничтожены. Замѣчательна также была библіо-

тека, украшенная большими грудными статуями древних философов, сделанными из фаянса, на Сверхенской княжеской фабрике (см. Сверхень): в этой библиотеке помещалось до 20,000 книг на разных языках, в том числе на белорусском и польском: большая часть книг, по древности, принадлежала к началу XVII вѣка. Особенно можно указать, как на замечательную рѣдкость, на сочинение, написанное на белорусском языкѣ подъ названіемъ: «Спорка (спорт) межъ униатами и католиками панскими», въ которомъ доказано, что никакая была римская неможесть превратить унию въ католицизмъ, потому что униа гораздо ближе къ греческой, нежели къ римской вѣрѣ. Это сочинение до сихъ поръ можно встрѣчать у некоторыхъ воссоединенныхъ униатовъ. Не менѣе заслуживаетъ вниманія хранившаяся въ библиотекѣ панаца копія лѣтописи Дмитрія Ростовскаго. Особое отдѣленіе панаца составляетъ *Портретная*, обязанная первымъ своимъ существованіемъ Сироткѣ-Радищилу, который украсилъ ее нѣсколькими портретами знаменитыхъ лицъ Польши и Литвы. Въ XVII вѣкѣ помещены были въ ней очень хорошей работы масляные портреты Владислава Ягеллы, Витольда, Юанна Грознаго, также всѣхъ бывшихъ до того времени Радищилловъ, ихъ жонъ и породившихся съ ними фамилій Илличчей, Вишневецкихъ, Шидловецкихъ, Острожскихъ, Воловичей, Яблоновскихъ, Собѣскихъ и другихъ. Кроме того, тутъ помещались дорогія иконы и мифологическія картины, разныя произведенія итальянской и фламандской школы. Въ инвентарѣ упоминается о портретѣ одного сто-сорока-лѣтняго поселенца, помещенномъ въ замкѣ при гетманѣ князѣ Михайлѣ-Казимирѣ Радищиллѣ. Несмотря на страшныя опустошенія шведовъ, все-таки еще въ 1779 году нашлись въ Несвижскомъ замкѣ 984 картины. При замкѣ были двѣ часовни (каплицы): одна — маленькая, не болѣе, какъ для пяти-шести человекъ, безъ иконостаса, устроенная Сироткой; другая — довольно большая, съ красивымъ иконостасомъ. Она устроена Михайломъ-Казимиромъ Радищилломъ для помещенія въ ней иконы Богоматери, напоминающей о побѣдѣ короля Яна III надъ турками въ 1684 году. Вотъ преданіе объ этой иконѣ, записанное на мраморной доскѣ, хранившейся въ замкѣ. «Накауиъ того дня, въ который Провислу угодно было освободить Яну отъ дѣлой и вазурительной осады турковъ, при посредствѣ Яна III, въ 1683 году, краковскій каштелянъ Станиславъ Яблоновскій, объѣзжая городъ, случайно нашеть подъ грудой каменной измятой свитокъ холста. Раскрывъ свитокъ, онъ увидѣлъ на немъ ликъ Пресвятой Богородицы, съ надписью на одной сторонѣ: «vinctus Ioannes», а на другой: «eris victor Ioannes.» (Побѣдншъ,

Юаннъ!) Изумленный такою пророчествовшею надписью, Яблоновскій представилъ свитокъ королю. Король велѣлъ исследовать, кому принадлежалъ найденный свитокъ и о какомъ Юаннѣ говорится въ надписи. Но розыски остались безъ удовлетворительныхъ открытій. Нашелся одинъ знатокъ, который утверждалъ, что эта икона принесена когда-то изъ Италіи Яномъ Каистратомъ, прославленнымъ побѣдами надъ турками въ Венгріи. Какъ бы то ни было, по Янѣ III отнесъ слова надписи къ себѣ и велѣлъ помѣстить икону въ походную часовню. На другой день, воодушевленный вѣрою въ небесную помощь Богоматери, одержалъ онъ знаменитую побѣду надъ мусульманами.» По возвращеніи изъ Австріи, Янъ III перевезъ найденный свитокъ въ Варшаву и потомъ помѣстилъ его въ Вильяновѣ (нынѣ въ вѣнѣ Поточкихъ, съ красивымъ палацомъ, въ которомъ хранятся разныя вещи, одежда и мебель Яна III; а въ боковыхъ отдѣленіяхъ его устроена богатѣйшая картинная галлерей), въ костелѣ при дворцѣ своемъ загородномъ дворцѣ. По смерти этого короля (въ Вильяновѣ, 17 июня 1697 г.), королева Марія-Казиміра перевезла икону въ Римъ, откуда королевичъ Яковъ переслалъ ее въ Варшаву; въ 1758 году она поступила къ князю Михайлу-Казиміру Радищилу, который и помѣстилъ ее въ Несвижской замковой часовнѣ, причѣмъ совершенно было, 18 июня того же года, торжественное освещеніе часовни по яву св. Природы Маріи жмудскимъ архіепископомъ Антоніемъ Тышкевичемъ, съ двумя епископами, въ присутствіи сенаторовъ и множества помѣщиковъ.

Въ составѣ замка входилъ *словоуписникъ*, или типографія (Gisetrnia), и *плавильня*, или литейная (Ludwisarntia).

Что же касается до крѣпости, то это было значительное укрѣпленіе, обведенное каменною стѣною и заставленное огнестрѣльными орудіями, при которомъ находился гарнизонъ. При крѣпости была *теплица*, или тюрьма. Въ народѣ хранится преданіе, что между замкомъ и Свято-Михайловскою горою были обширныя подземелья, которыя служили убежищемъ для несвижанъ во время нападенія на нихъ татаръ и потомъ шведовъ. Преданіе это подтверждается тѣмъ, что часть подземелья хранилась до настоящихъ дней: въ нихъ найдены скелеты, гдѣ погребены были несвижскіе иезуиты.

Вотъ каковы были Несвижскій замокъ во время оно.

Несмотря, впрочемъ, на свое заустѣе, замокъ посѣщается не только путешественниками, но и мѣстными жителями. Въ послѣднее время устроена палатина для прохода изъ города въ замокъ, и охотники до *таинственныхъ гуляній* отправляются по ней на валы и окопы. Но сюда заходить для гуляній только *нѣкоторые*: большая часть несвижанъ гуляютъ по рошамъ, которыми богаты окрестно-

сти мѣстечка, и пробираются въ тѣсные, липовые, кленовые и дубовые лѣса; заходятъ къ Михайловской или другой горѣ и тамъ, въ чашѣ березоваго *сага* (рошца), проводятъ вечера подъ благодатнымъ белорусскимъ небомъ.

Что же касается до городскихъ увеселеній, то ими очень довольны остаются квартирующіе въ Несвижѣ кавалеристы. Зимною устраиваются собранія, танцы, домашніе балы и даже *литературные вечера*: послѣднее нововведеніе составляетъ эпоху въ лѣтописи Несвижа. Приѣзжаютъ изъ Вильно довольно порядочная труппа и дается представленія на русскомъ и польскомъ языкахъ. Есть довольно хорошія трактиры, конейныя и кондитерскія, хотя всѣ эти заведенія въ рукахъ жиловъ. Лѣтомъ приѣзжаютъ въ Несвижъ актеры мѣской труппы и театръ всегда бываетъ наполненъ. Изъ театра можете отправиться въ трактиръ, и смазливая Ривка угоститъ васъ какимъ угодно виномъ, гаванскими сигарами, *черною кавою* (кофе), *позарскими* колбетами, шинскими виномъ и вдобавокъ пресловутую *маринатю* (маринированная и фаршированная рыба) пресвижскую. Во всякомъ трактирѣ вы встрѣтите порядочную прислугу, которую составляютъ черноокиіе еврейки, кажется, нивъчемъ неуступающія, и особенно въ ловкости, варшавскимъ *кадркамъ* (кофейницамъ).

И помню еще съ дѣтства, да и въ настоящее время замѣтить, что несвиждане не чужды современнаго образованія: между ними есть люди, которые удивятъ васъ знаніемъ отечественной, русской литературы и даже иностранной. Я встрѣтилъ въ нѣкоторыхъ домахъ журналы и газеты не только русскіе, но и французскіе; даже *Times* застаетъ въ Несвижѣ. Тамъ бесѣдовали о Гоголѣ, Жуковскомъ, Диккенсѣ, Теккереѣ и Бульверѣ, и я порадовался такому усилію просвѣщенія въ белорусскомъ краѣ. Послѣ этого вѣроу мѣстной лѣтописи, утверждающей, что въ Несвижѣ могли быть литературные вечера. Не менѣе литературы знакома несвижанамъ и современная музыка. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ играли въ одной домѣ только что «вышедшія партитуры изъ «Пророка», «Риголетто» и безчисленныя мелкія пьески.

Говоря о Несвижѣ, нельзя умолчать о знаменитой ея Михайловской ярмаркѣ, или, какъ выражается въ вѣстное простонародіе, *Ярмаркѣ пана Мидля*. Ярмарка эта называется Михайловскою потому, что получила свое начало при Михайлѣ Радищиллѣ и первоначально производилась на Михайловской горѣ. Нынѣ она бываетъ въ подовицкой горѣ, начиная 26 сентября и продолжается двѣ недѣли. Сюда переселается почти весь городъ и первоначально въ городскіе кушчи и въ цѣнахъ съ *снотами лавочками*. На протяженіи версты устроиваются разныя балаганы

и образуется какое-то временное кочевье. Съѣзжаются торгачи и кушчи изъ Пинска, Давытъ-Городка, Глуска, Мозыря, Минска, Бреста, Вильно, Кіева и Варшавы. Большею частью жиды привозятъ красныя товары, стекло, фарфоръ, фаянсъ, пинчуки, мозырцы, да выгородцы и вообще польскіе приѣзжаютъ съ безчисленными возами *вяленой* или копченой рыбы, дѣянаго сѣмени, щетни, смолы, воску и выдѣланныхъ кожъ и подошвъ. Между ними помѣщаются великорусскіе кушчи и татары калекци и миски. Тутъ же устрояютъ свои лавочки такъ называемые *каробиники* (оттого, что ходятъ съ коробками) съ картинками, бисеромъ и цѣбными посами. Вообще ярмарка несвижская довольно значительна: она для белорусскаго края чуть ли не то же, что Нижегородская для великорусскихъ губерній. На эту ярмарку съѣзжается съѣебнее и даже отдаленное дворянство, также *застыковые шляхтоуи* (см. Минская губернія), между которыми часто попадаются Хлестаковы. Они очень замѣтны на ярмаркѣ: кричатъ въ балаганѣхъ, неистово аплодируютъ въ театрѣ, въ ресурсахъ путаютъ ногами въ танцахъ, люютъ рѣзничкіе выморозки въ еврейскихъ ресторанахъ и расхаживаютъ по ярмаркѣ съ хлыстиками, горю посматривая на *посесорочковъ* (мелкіе арциаторы вермъ и фольварковъ), которые встрѣчаются здѣсь безчисленными толпами и обращаютъ вниманіе каждаго своимъ длинными *шерачковыми* скортками, съ сотнею складокъ у тали, огромнѣйшими перкалевыми (каленкорвыми) воротничками, закрывающими уши и торчащими наподобіе роговъ, подстриженными усами и съ мѣсяцъ небритыми подбородками.

Не менѣе обращаютъ вниманіе несвижаго и странствующіе съ медвѣдями цыгане и хорошенкыя цыганки, потѣвющія ярмарочную публику разными фокусами и плясками. Куда ни пойдешь здѣсь, непременно наткнешься на это племя: ужъ именно справедлива пословица несвижская: цыганъ скачетъ, цыганъ пляшетъ, цыганка пѣсенки поетъ на ярмаркѣ. Но всѣхъ интереснѣе здѣсь несвижскіе поселенцы и поселки, отличающіеся отпратно одеждою и довольно видною наружностью. Они ужъ не носятъ, подобно другимъ поселкамъ Мнѣской губерніи, мѣшковатыхъ свитѣ и грязныхъ лантей, поврковыхъ шапокъ и наметокъ, а одѣваются въ какіе то капоты изъ синяго сукна и палатка изъ ситца не очень нестрога; вмѣсто наметокъ белорусскіхъ, поселенцы носятъ на головахъ цѣбныя палатки, довольно красиво повязанные надъ самымъ лбомъ и на затылкѣ. А какъ граціозны, ловки и шутивы они! Право, любо смотрѣть на гибкій станъ и маленькія попки такой поселенки! Не менѣе ихъ ловки и поселенцы несвижскіе: все народъ чистоплотовый, здоровый, бойкій и развязный, но не буйный и не

дерзкій. Находчивость и смеяленость несвижскихъ поселянъ обратилась въ поговорку; есть старинная Бѣлорусская поговорка объ ихъ заливчатствѣ: у Несвижи людъ жижи: салому такуць да блины лѣкуць; сына смажуць, блины мажуць, т. е. смеялены, проворный народъ несвижскій! изъ толченой соломы жарятъ блины, а изъ сына дѣлають масло для блиновъ.